

ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Из периодики прошлого

Юриспруденция — одна из древнейших общественных наук. Профессия юриста во все времена была одной из самых востребованных, интересных и многогранных. Нельзя не остановиться на рассмотрении взглядов тех юристов, кто оказал значительное влияние на развитие юриспруденции.

Александр Николаевич Гедда — известный ученый-юрист конца XIX — начала XX в. Его научные труды посвящены проблемам как гражданского материального (прежде всего — наследственного), так и процессуального права. Работы А. Н. Гедды отличаются междисциплинарным подходом к исследованию, простотой и ясностью изложения, глубиной анализа поставленных проблем и высокой практической значимостью. А. Н. Гедда является автором интереснейшей и ничуть не утратившей в настоящее время актуальность статьи «Недобросовестность сторон в гражданском процессе». (Заметки из судебной практики)», которую мы предлагаем вашему вниманию в данном номере.

Указанная статья была опубликована в «Журнале Министерства юстиции» (январь, 1910 г.). В статье А. Н. Гедда отстаивал позицию о том, что недобросовестность сторон в гражданском процессе — очень распространенное, известное всем, кто так или иначе вовлечен в орбиту судопроизводства, явление, реализуемое в самых разнообразных формах. Ученый обосновывал, что с указанным явлением необходимо бороться путем принятия разнообразных решительных мер, поскольку оно препятствует установлению действительных обстоятельств дела или отдаляет во времени защиту прав и законных интересов тяжущихся и даже влечет за собой «порчу нравов», переходящую за пределы гражданского процесса.

Автор убедительно показал, что средства для борьбы с недобросовестностью сторон в гражданском процессе существуют и большой нереализованный потенциал для этого заложен в законе. Представляется, что это в полной мере относится и к действующему гражданскому, арбитражному процессуальному законодательству, законодательству об административном судопроизводстве. Поэтому сегодня, в условиях трансформации многих институтов цивилистического процесса, реформирования последнего, эта статья, будучи по-настоящему полемичной, на наш взгляд, соответствует тематике данного выпуска.

Материал подготовил:

Д. А. Гузий,

старший преподаватель кафедры

гражданского и административного

судопроизводства имени М. С. Шакарян

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

кандидат юридических наук

Александр Николаевич ГЕДДА

**Недобросовестность сторон в гражданском
процессе (заметки из судебной практики)¹
(извлечение)**

I.

При рассмотрении нашими законодательными учреждениями проекта преобразования местного суда предложено внести немало изменений в наш действующий устав гражданского судопроизводства, по крайней мере в ту часть его, которой будет руководствоваться проектируемый орган местного суда, будущий мировой судья.

По этому поводу нам хочется указать на одно явление, которое, по нашему мнению, чрезвычайно часто наблюдается в нашем гражданском процессе не только в делах мировой юстиции, но и в делах общих судебных мест, где оно получило даже, быть может, наибольшее распространение.

Мы хотим говорить об этом явлении именно теперь, именно ввиду обсуждения проекта преобразования местного суда, потому что нам кажется, что в эту минуту, при предпринятой реформе, можно легче всего, не прибегая к крупной ломке, внести в правила гражданского судопроизводства положения, которые, если и не уничтожили бы этого явления, то воспрепятствовали бы развитию и распространению его.

Явление, о котором мы хотим говорить, называют нередко ложью на суде гражданском. Под этим именем известно оно и в литературе, как иностранной, так и нашей. Это имя, однако, не вполне соответствует содержанию явления, не охватывает всех частичных его проявлений и не объединяет всех его составных элементов. Более точным и более полным представляется нам определение и наименование этого явления недобросовестностью. Это имя и сохраним мы за ним в последующем нашем изложении.

Недобросовестность на суде гражданском — явление, о содержании которого мы будем говорить несколько ниже, захватывает в нашем процессе, к сожалению, все больше и больше места; она объявила решительную войну материальной правде и несет за собой порчу нравов, переходящую даже за пределы зала суда. С этим явлением нельзя не считаться, против него необходимо

¹ Гедда А. Н. Недобросовестность сторон в гражданском процессе (заметки из судебной практики по гражданским делам) // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 1. Январь. С. 1—28.

должны быть приняты самые серьезные, самые решительные меры.

Вот почему мы решились заговорить о нем. Оно портит, оно губит дело, близкое нашему сердцу. Хотелось бы верить, что наши слова будут услышаны!

II.

Недобросовестность сторон на суде гражданском проявляется в самых разнообразных формах. Когда обе стороны или одна из них высказывают положения заведомо для них ложные, защищают и поддерживают то, чего в действительности не было и делают все это с целью достичь известной выгоды, то имеем дело с ложью на суде гражданском в чистом ее виде. Ложь эта, несомненно, есть одно из проявлений недобросовестности сторон в процессе, но не единственное. Есть целый ряд других явлений, быть может, не столь резких, менее серьезных по своим последствиям, но за то чаще встречающихся и, бесспорно, предосудительных, которые также должны быть отнесены к недобросовестности тяжущихся. Так, к явлениям этой категории должен быть отнесен и такой образ действий тяжущегося, когда он умышленно скрывает какое-либо обстоятельство или заставляет противника представлять доказательства в подтверждение того, что ему прекрасно известно, да и не может не быть известно.

Возьмем пример из нашей собственной практики.

Истец ищет с ответчика определенную сумму денег по заемному письму. Ответчик, не отрицая того, что заемное письмо выдано им, да и не имея возможности отрицать это, заявляет однако, что письмо это было выдано им истцу в обещание уплаты денег за купленное им у истца имение, но продажа этого имения не состоялась по формальным причинам, и земля осталась у истца. Истец, прекрасно осведомленный, что в возражении ответчика нет ни малейшей доли неправды, заявляет суду, что ответчик обязан доказать свои возражения, что он, истец, не обязан помогать ответчику и давать ему доказательства правильности его возражений в виде своих признаний и что поэтому он отказывается сказать что-либо по поводу указаний противника.

Такое уклонение от объяснения является, несомненно, недобросовестностью на суде со стороны истца.

Возьмем другой пример, также из нашей судебной практики, где недобросовестность проявляется со стороны ответчика.

Были два брата. Один из них утвердился в охранительном порядке в правах наследника ко всему имуществу, оставшемуся после смерти их отца. Другой не успел предъявить свои права

на половину этого имущества, так как сам он был тяжело болен и умер вскоре после смерти отца. Его вдова и дети сделали попытку утвердиться в правах наследства к причитавшейся ему доле в охранительном порядке, а когда эта попытка не увенчалась успехом, предъявили иск к брату покойного, утвердившемуся уже, повторяем, в правах наследства ко всему имуществу своего отца. Последний, являясь ответчиком, конечно, не сомневался и не мог сомневаться, что наследодатель истцов его родной брат. Тем не менее он отказался признать на суде это обстоятельство и даже выразился так, что он не помнит, был ли у него такой брат, и тем заставил истцов прибегнуть к трудной и сложной иногда процедуре разыскания документальных доказательств родственной связи их с покойным братом, и последнего с их общим отцом, наследодателем. Благодаря этому ему удалось затянуть процесс на довольно продолжительное время. Лжи, в прямом смысле слова, он, конечно, почти не сказал, так как он не отрицал положительно родства и свойства своего с истцами, но в то же время отказом своим признать это родство и свойство основанным на правиле ст. 366 Уст[ава] гражд[анского] суд[опроизводства], он, несомненно, проявил своего рода недобросовестность на суде, которая была направлена к тому, чтобы затруднить установление истины.

К той же добросовестности должен быть отнесен и целый ряд самых разнообразных действий того или другого тяжущегося, направленных к тому исключительно, чтобы затормозить дело, затянуть его на возможно большее время, стеснить этим своего противника, поставить его в затруднительное положение и тем заставить его идти на уступки, согласиться покончить дело на условиях, выгодных стороне, прибегающей к таким предметам. Здесь заявления, ходатайства по частным вопросам, отводы, встречные иски, неявка в суд и допущение заочного решения, представление состязательных бумаг без сборов и тому подобные действия тяжущегося, предусмотренные в Уставе гражданского судопроизводства, совершенно в иных целях и по иным соображениям применяются в громадном большинстве случаев для достижения совершенно противоположенных целей, ничего общего с правдой, действительностью и настоящими интересами и отношениями сторон не имеющих, и предпринимаются только потому, что тяжущийся путем подобных процессуальных возможностей, процессуальных комбинаций может легко достичь вышеуказанных результатов, стеснить противника и создать судебную волокиту, ему выгодную.

Все это — проявление недобросовестности сторон на суде, различных по силе, качеству и последствиям своим, но близких по их отношению к правде.

Можно было бы указать множество примеров таких действий, такого недобросовестного использования сторонами процессуальных возможностей.

Кто же не знает, например, что просьбы об обеспечении исков в громадном большинстве случаев предъявляются не потому, чтобы истцу грозила действительная опасность при необеспечении иска лишиться возможности получить удовлетворение, а только для того, чтобы заставить противника как можно скорее и как можно выгоднее рассчитаться с истцом, чтобы только отделаться от стеснительной, может быть, убыточной, позорящей его, наконец, меры обеспечения иска. Нам известен, например, такой случай, где к лицу, занимающему видное общественное положение, лицу богатому, обладающему прекрасным имением, нигде не заложенным, которое могло бы служить самым лучшим обеспечением иска, был предъявлен иск, в обеспечение коего истец просил наложить арест на квартирную обстановку ответчика. Иск оказался чрезмерно раздутым, первоначально объявленная сумма иска, свыше десяти тысяч, была после первых же возражений уменьшена до суммы менее тысячи рублей и объявлена всего в несколько сот рублей. Конечно, истец не мог не знать настоящих размеров своей претензии, а обеспечение иска указанным способом было направлено к тому, чтобы испугать ответчика некоторым скандалом, подорвать его кредит и тем заставить его поспешить уплатить больше, чем следует.

Обеспечение иска, прекрасная практическая мера, обращается в орудие, в средство самых разнообразных недобросовестных комбинаций. Иногда весь интерес процесса сосредоточен только на этой мере. Предъявляется иск, заявляется просьба об обеспечении его, разрешается эта просьба, и дело дальше не идет. Дальнейшее движение его не имеет никакого интереса. Обеспечения иска, конечно, вымышленного, в форме отобрания подписки о невыезде, добиваются иногда даже для того, чтобы предоставить лицу, не имеющему права жительства в данной местности, прожить в ней некоторое время для операции на ярмарке.

А предъявление встречных исков!

Разве мы не можем сказать, что 95 % этих исков предъявляется только для того, чтобы затормозить дело?

Предъявляется иск по закладной крепости. Кажется бы, какие тут могут быть сделаны возражения со стороны ответчика! Иск основан на акте, решение может последовать в ближайшее же заседание; будет допущено предварительное исполнение. Но ответчику нужно затянуть дело как можно дольше, чтобы продолжать пользоваться имуществом и извлекать из него доходы, не платя

процентов по взятым в долг деньгам, а может быть, и в том расчете, что истец, нуждаясь в деньгах, желая поскорее получить их, пойдет на уступки, уменьшит сумму своей претензии, лишь бы поскорее развязаться с делом. И вот в первом же заседании по делу заявляется ходатайство о предоставлении ответчику семидневного срока на изложение в письменной форме встречного иска. Иногда на этом дело и оканчивается, истец, предвидя длинную судебную волокиту, идет на уступки. Но иногда, и даже чаще всего, дело продолжается. Встречный иск предъявляется, но, конечно, предъявляется без пошлин, без сборов, чтобы выиграть и на этом время, пока встречное исковое прошение будет лежать без движения. В подтверждение такого иска приходится допрашивать свидетелей, производить проверку доказательств, благодаря чему дело затягивается на много, много времени. Нам лично известен пример, когда в подкрепление такого встречного иска была сделана ссылка на свидетеля, жившего в осажденном в то время Порт-Артуре. Истец, конечно, покончил дело по миролюбивому соглашению с ответчиком. Бывают и такие случаи, что истец немедленно признает совершенно вымышленный встречный иск, просит сделать зачет претензий. Ему выгоднее потерять на этом небольшую сумму, лишь бы поскорее получить исполнительный лист по своей справедливой претензии.

Припомним и другой, хорошо знакомый в судебной практике прием недобросовестного использования стороной процессуальных возможностей.

Производится дело, требующее сложной проверки доказательств, — осмотра на месте, допросов там же свидетелей, истребования заключения сведущих людей. Все это проделывается судом самым тщательным образом, но исключительно по просьбе и указаниям одного истца. Ответчик не принимает в этом никакого участия и даже не присутствует при проверочных действиях. Проходит довольно много времени, все выполнено, дело вполне выяснено и в ближайшем судебном заседании может быть разрешено по существу. Тогда ответчик заявляет ходатайство о производстве проверки доказательств с его стороны, о проверке, которая успешнее всего могла быть произведена раньше, одновременно с проверкою доказательств истца. Делается это, очевидно, все с той же целью — затормозить дело, создать судебную волокиту.

Мы могли бы привести еще бесконечный ряд примеров таких недобросовестных действий сторон. Но в этом нет никакой надобности, так как они хорошо известны всем, кто соприкасался когда-либо с судом, вел когда-нибудь судебное дело.

Все эти действия объединяются под общим именем недобросовестности сторон в гражданском процессе. Они стоят в прямом противоречии с правдой, отысканию которой посвящена вся деятельность суда, почему их иногда и называют ложью на суде.

III.

Итак, всякое действие того или другого тяжущегося, заключающееся в том, чтобы путем пользования установленными в законе возможностями либо совершенно воспрепятствовать отысканию правды и восстановлению права, либо отдалить их на время, как можно большее, если, конечно, все это делается сознательно, мы называем недобросовестностью сторон в гражданском процессе.

Определив таким образом содержание этого явления, мы должны обсудить два вопроса.

Необходимо прежде всего выяснить, представляется ли эта добросовестность на суде гражданском явлением частым, повторяющимся постоянно, изо дня в день, или, наоборот, редким, исключительным, и, соответственно чему, действительно ли нужна борьба с ним или, напротив, оно не заслуживает серьезного внимания как явление, встречающееся лишь изредка, как явление исключительное. Второй вопрос заключается в том, можно ли бороться против этого явления. Смысл этого вопроса не в том, как ни странно это может показаться на первый взгляд, имеются ли какие-либо средства борьбы с этим явлением, а именно — можно ли принимать те или другие меры к его уничтожению, имеет ли такая недобросовестность право на существование в гражданском процессе.

Что касается первого вопроса, то наш ответ на него может быть предусмотрен уже из всего предшествующего изложения. Недобросовестность сторон в гражданском процессе, как в виде чистой лжи, так и в виде всевозможных других ее проявлений, — явление чрезвычайно частое, чрезвычайно распространенное, явление обычное. Она наблюдается во всех стадиях гражданского процесса ежедневно и проявляется не только в мелочах, но и в вопросах серьезных. С ней можно встретиться и в исковом прошении, умышленно искажающем действительность, и в письменном ответе, и в словесных объяснениях сторон, и в отзыве на заочное решение. И в частных, и в апелляционных жалобах, словом, — решительно всюду. Ложь в чистом виде встречается, может быть, несколько реже, чем недобросовестное пользование установленными в законе процессуальными правилами с целью достичь известных выгод — но только сравнительно. Вообще же и она представляется явлением обыденным на суде. И это явление

повсеместное. Оно не поддается учету, не может быть выражено в цифрах, но всякий судья хорошо знает, какое огромное пространство получило оно.

Это явление свойственно не только нам, не только русскому гражданскому процессу — оно наблюдается и на западе. В австрийских законах содержатся специальные правила, направленные против него, правила двоякого рода — карательные, налагающие наказания (штраф) на лицо, позволяющее себе недобросовестное ведение процесса, и правила, препятствующие пользоваться законными приемами для недобросовестных целей. Очевидно, что введение этих правил в процессуальный закон вызвано требованиями жизни, ее запросами, наблюдениями над пространством недобросовестности на суде.

Это печальное, возмущающее душу явление беспокоит и германских юристов. В самое последнее время в трудах немецких ученых стали все больше и больше отмечаться случаи проявления этой недобросовестности и, соответственно сему, стали все чаще и чаще раздаваться жалобы и требования реформы процесса. Явились два течения, создалась целая полемика, весьма интересная и характерная для нашего времени. Недобросовестность на суде, как оказалось, имеет не только своих врагов, толкующих об обязанности правдивого ведения процесса, но и защитников, говорящих, например, о каком-то праве на ложь в процессе.

Уже одно это, одна эта горячая полемика немецких ученых свидетельствует в достаточной мере, в каких размерах проявляется недобросовестность сторон в процессе, и указывает, что это явление заслуживает серьезного внимания.

Но, может быть, недобросовестность сторон в процессе и заслуживает внимания, может быть, она заслуживает изучения, но не указывает на необходимость принятия мер для борьбы с нею, для ее устранения. Быть может, это явление необходимое. Ведь нельзя говорить же о каком-то праве на ложь на суде, а ложь — лишь одно из крупнейших проявлений недобросовестности вообще.

Нам кажется, что тут не может быть двух мнений. Ложь в прямом смысле и всякая недобросовестность на суде не могут иметь никакого права на существование.

Всякая недобросовестность вредна и не может быть терпима.

Это — общее правило, это — азбучная истина. Конечно, возможны условия, при которых из этого общего правила могут быть сделаны исключения. Известно, например, что Владимир Соловьев отмечает существование так называемой «моральной лжи», как ни странно звучит соединение этих слов. Человек, преследуемый разбойниками, находит убежище у своего друга. Разбойники приходят

к последнему и требуют указать, где находится преследуемый; желая спасти друга, укрывший дает ложные указания и направляет их совершенно в другую сторону, а затем дает возможность укрывшемуся продолжить спокойно свой путь. Несомненно, это будет ложь, но ложь, во-первых, до известной степени вынужденная, а во-вторых, направленная на хорошее, доброе дело и противопоставленная злу, с которым бороться правдой в таком случае невозможно. Такая ложь может быть допустима, о ней можно говорить как о лжи моральной.

В гражданском процессе, однако же, ни ложь, ни недобросовестность в таких условиях проявляться не могут. Здесь не может быть речи о каком-либо понуждении, здесь не может быть места борьбы со злом иным орудием, кроме правды.

Суд является орудием права и правды, он существует только как средство для отыскания и восстановления истины. Если одна из сторон, добиваясь той или иной выгоды, прибегает к помощи неправды, то другая должна противопоставить ей только правду. Здесь, следовательно, может быть речь о понуждении, о необходимости говорить и доказывать только правду, действовать только добросовестно. Истец, предъявляющий иск и умышленно искажающий истину, действует недобросовестно, говорит ложь. Но он никем и ничем к этому не принуждается, он действует совершенно свободно, преследуя лишь одну безнравственную цель получить ту выгоду, которая по правде ему не следует. Единственное средство бороться с этой недобросовестностью истца для ответчика заключается в том, чтобы установить, доказать правду. Только к этому и побуждается он необходимостью. В таком случае он не может оказаться в положении человека, который может спасти на суде свое имущество, свое право путем лжи или недобросовестного приема. Он имеет здесь дело не только с недобросовестным врагом, но и судом, который может восстановить только истину и который охранит его от зла и недобросовестности противника.

Может быть и обратный случай. Истец домогается восстановить свое право. Он говорит только о том, что было в действительности, а ответчик прибегает ко всевозможным приемам, прямо недобросовестным, чтобы воспрепятствовать справедливому решению.

Само собой разумеется, что истцу остается только одно средство — поддерживать правду, стараться доказать ее, и тогда ложные заявления ответчика и все недобросовестные приемы его будут бессильны, ничтожны. И в том и в другом случае ни одна из сторон не может быть признана вынужденной действовать недобросовестно; и в том и в другом случае недобросовестность

является средством для получения незаконной выгоды, а не для уничтожения зла; и в том и в другом случае стороне, действующей недобросовестно, следует напомнить об ее обязанности действовать и говорить правдиво; никакого оправдания ее недобросовестности, никакого права на таковую у нее нет и быть не может.

Вне всякого сомнения, бывают случаи, что недобросовестность на суде одерживает победу над правдой, что суд выносит несправедливые решения. Но это объясняется несовершенством процесса как орудия права и правды или неумения стороны доказать правду.

В обоих случаях можно говорить об направлениях несовершенств процесса, об иной организации защиты на суде, но ни в том, ни в другом случае нельзя усмотреть оснований к признанию за сторонами права на недобросовестность и на ложь в процессе.

Чем же, спрашивается, объясняют защитники лжи на суде, как одного из проявлений недобросовестности, это существующее, по их мнению, право на такую ложь? Они не оправдывают лжи как самостоятельного явления, взятого само по себе. Нет, они основывают свой вывод о существовании такого права на следующие положения.

Гражданский процесс должен быть построен на состязательном начале. Это начало должно быть проведено в нем со всею строгостью, без малейших отступлений. Состязательное начало требует безусловной свободы сторон. Малейшее стеснение их, самое ничтожное принуждение нарушает эту свободу, а следовательно, и принцип состязательности. Во имя этой свободы и этого принципа они отрицают то учение, которое вменяет тяжущимся в обязанность говорить на суде только правду, и согласны признать за ними как необходимое зло даже своего рода права на ложь². То же самое рассуждение легко применимо не только ко лжи, но и ко всякому другому проявлению недобросовестности в процессе гражданском.

Мы думаем, что здесь коренная ошибка в одном из основных положений. Состязательное начало, безусловно, — самый правильный, самый верный и прочный фундамент, на котором должен покоиться гражданский процесс. Одним из необходимейших условий этого начала, бесспорно, является свобода тяжущихся. Но необходима ли здесь свобода тяжущихся, не знающая никаких границ, свобода, доходящая до разрешения делать зло, говорить ложь и прибегать к приемам, явно недобросовестным?

² См. статью г. Бугаевского «Ложь в гражданском суде» (Право. 1909. № 12). Статья эта в сжатом виде знакомит со всей полемикой немецких ученых по рассматриваемому вопросу.

Едва ли это так! Едва ли вообще можно говорить о том, что человек не пользуется полной свободой, потому, например, что ему запрещается совершать преступления или вообще безнравственные действия, убивать, красть, клеветать, лгать. В этой свободе каждого человека в каждом культурном обществе ограничена так давно, что он уже сжился с этими ограничениями, перестал считать их стеснениями своей свободы и мнить себя свободным, отлично помня, что он не имеет права ни убивать, ни красть, ни клеветать, ни лгать. Но, если бы даже и признать, что обязанность говорить на суде только правду и действовать только добросовестно и являлась некоторым стеснением тяжущихся, некоторым ограничением их свободы, то может ли это иметь хоть сколько-нибудь вредное влияние на те конечные цели, к которым стремится гражданский процесс и которые достигаются всего лучше состязательным началом?

Конечно, нет! Суд ищет только правду, и чем больше правды, по принуждению ли или по доброй воле, дадут ему стороны, тем лучше, тем больше возможности будет у него найти истину.

В этом и заключается, на наш взгляд, вся ошибка защитников лжи на суде гражданском — ошибка, заставляющая их отыскивать оправдание тому, чему оправдания нет и не может быть, что заслуживает одного осуждения.